

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

Гертруда . Я выпью за твою победу, Гамлет.

Гамлет . Благодарю.

Клавдий . Гертруда, стой, не пей.

Гертруда . Прошу прощения, милорд, я выпью.

Клавдий . Вино отравлено — я опоздал...

Вильям Шекспир. «Гамлет»

Не пей вина, Гертруда, —

Пьянство не красит дам.

Нажрешься в хлам —

И станет противно

Родственникам и друзьям...

Борис Гребенщиков. «Не пей вина, Гертруда»

Опять ей приснился Алеша. Слишком часто стал сниться... Главное, что радостным таким был во сне, улыбчивым. И говорил что-то. Вспомнить бы еще, что говорил... Всегда так и бывает — проснешься, а деталей увиденного сна вспомнить не можешь! Обидно.

Открыла глаза, потянулась, приподняла голову с подушки, глянула в окно. Хотя можно было и не глядеть. И без того понятно — ничего за окном не изменилось. День опять будет хмурым, солнца на небе не видно. И само небо такое... Будто депрессивным художником намазанное серыми и белыми красками. Небрежные такие мазки, сердитые... Будто этот художник настроение на людях выместил — нате вам, нате! Не будет никакой небесной лазури, не будет солнца! Так живите, без солнца! Ишь, чего захотели! Берите, что дают, и радуйтесь!

Вздохнула, снова закрыла глаза. Надо все же вспомнить, что во сне говорил Алеша. Ведь явно что-то говорил, как она могла не запомнить? И по имени ее называл... Мол, ты что, Ладка...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Лада, Ладушка... Я же с тобой говорю, а ты не слышишь! Я же твой Алеша, я здесь, с тобой!

И вдруг вспомнила. Вернее, услышала, как Алешин голос звучал. И поняла, что он хочет ей сказать. Вот глупая, как же она сразу не догадалась, как могла забыть! Сегодня же пятое сентября, у Алеши година! Он же в этот день погиб... Ей тогда девятнадцать вот-вот должно было исполниться... И вот уже тридцать один год прошел... Был бы у Алеши тоже в этом году юбилей...

Да, был бы... И жизнь была бы другая. Если б Алешу в Афганистане не убили. Если бы их ребенок жив был... Алеша отслужил бы в армии, вернулся, воспитывали бы дочку или сына... Она ведь поняла, что беременна, когда Алешу уже забрали. Писала ему и представляла, как он ответит: «Люблю, Ладка! Так рад! Счастлив! Я ж тебе говорил, что надо было перед призывом до загса добежать! А ты! Я говорил, говорил!» — сплошь одни восклицательные знаки.

Но ответа Лада так и не получила. Через три месяца Алешу убили. А она... Она, сволочь такая, пошла и ребеночка их тоже убила...

И нет ей за это оправдания, что ж. Да и бог уже наказал — после так и не забеременела. Пустоцветом жизнь прожила. Хоть и замужем. И нечего себе оправданий искать, что в то время по-другому не получилось бы... Мол, не от нее все зависело... Иногда обстоятельства скла-

Не пей вина, Гертруда

дываются так, что ты плывешь по ним, как щепка по волнам, и не знаешь, к какому берегу тебя прибьет. Не знаешь, не знаешь...

Наверное, печальная эта мысль и дальше пошла бы по знакомому пути и привела к слезам, да телефонный звонок отвлек вовремя. Напомнил, что она в другой жизни живет. В той жизни, где на звонок надо обязательно отвечать. Где надо давно уже вскочить с постели и приступить к своим обязанностям. Потому что их много, обязанностей-то. И дел невпроворот. Как всегда...

— Лада Викторовна, доброе утро... А вы когда приедете, Лада Викторовна? Простите, что я вас беспокою...

Анин голосок звучал тревожно и в то же время довольно требовательно. Видимо, и впрямь что-то случилось, иначе бы не стала звонить, сама бы справилась. Она девушка деловая.

— Что случилось, Ань, говори?

— Да тут опять этот проверяющий из трудовой инспекции ко мне пристаёт... Сегодня наши трудовые книжки смотрит, и именно к вашей привязался. Говорит, запись у вас неправильная.

— Вот те раз! Чем это она неправильная? Уже больше двадцати лет назад сделана, не одну проверку пережила и стала вдруг неправильная! С какого вдруг перепугу-то?

— Так и я ему то же самое толкую, Лада Викторовна... Всегда такая запись была...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

А он... Еще он говорит, что и в бухгалтерских документах мы неправильно вас пишем... Что надо писать не директор магазина Любимова Лада Викторовна, а заведующий торговым объектом Любимова Лада Викторовна! Представляете? Я вообще в шоке... Даже не знаю, что ему говорить! Может, вы сами с ним объяснитесь, а? Когда вы приедете, Лада Викторовна?

— Хорошо, Ань... Я через час буду. Разберемся, не волнуйся.

Отложила телефон в сторону, вздохнула, закрыла глаза... Боже, как не хочется вставать и входить в эту суетную и беспокойную жизнь! И хорошо бы хоть один день делами не заниматься... Посвятить этот день Алеше, година все-таки... Но ведь не получится, это ясно. Надо вставать с постели, надо жить. Исполнять директорские обязанности. Хотя, как только что выяснилось, они вовсе и не директорские, а... Как Аня сказала? Она не директор продуктового магазина, а заведующий торговым объектом? Хотя какая, по сути, разница... Хрен редьки не слаще, как говорится.

Да, и надо Якову про это сказать. Теперь он имеет в собственности не три магазина, а три торговых объекта. Вот так-то, дорогой муж...

Муж, с которым она давно не спит в одной постели. Муж, который живет сам по себе в городской квартире, а она сама по себе здесь, в доме. Так получилось, что ж. Не сразу, с го-

Не пей вина, Гертруда

дами... Все супруги с годами разбегаются по отдельным берлогам, это понятно. Если такая возможность есть. А если нет возможности, так и маются до конца жизни в одной берлоге, толкуются в ней, злобясь друг на друга.

Да, у них с Яковом есть такая возможность — быть в браке и жить отдельно. Вроде и вместе, и не вместе. К возрасту каждому своя территория требуется, чтобы в ней быть самому по себе. Такое вот благо, что ж...

А дом свой она любит, очень любит. Он только ее знает, чужаков не терпит. Как не терпит ее долгого присутствия городская квартира. Она Якова больше любит...

С первого этажа потянуло вкусными запахами чего-то печеного — опять Татьяна Васильевна с утра изгаляется, хочет поразить ее воображение кулинарными изысками. Вот неудобно, ей-богу! Ну зачем она...

Татьяну Васильевну навязала ей мама, почти силой. Приспичило ей пристроить соседку-приятельницу на хлебное место, всю душу ей вынула просьбами. Мол, Танечке надо детям помочь, надо внуков поднять... А ты, Ладушка, хорошо ей платить будешь, я знаю. Уж как она сопротивлялась, мама и слышать ничего не хотела!

— Ну как, как она у меня в прислугах будет жить, мам, ну сама подумай, а? Я ж эту Татьяну Васильевну с детства знаю... Да я даже сказать

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ей ничего не смогу! Я ее боюсь! Она ж у меня в школе физику преподавала! Такая строгая была училка... страсть!

— Ну когда это было... От прежней строгости у Танечки уж ничего не осталось. Жизнь выбила всю строгость, как палками из ковра пыль выбивают. Сама ведь знаешь, она уж давно на пенсии.

— Тем более! Ей же тяжело будет ко мне на другой конец города ездить!

— Ну уж и город... Невелик наш город, чтобы с одного конца на другой трудно было доехать. Давай, Ладка, не воображай, сделай хорошее дело для человека! Знаешь, как Танечке деньги нужны? Ей надо одному внуку с ипотекой помочь, другому внуку с учебой... Он балбес у нее вырос, на бюджетное отделение так и не смог поступить. Ой, да она ж радехонька будет у тебя поработать, что ты! Кто еще пенсионерку на такое место возьмет? Не в уборщицы же ей идти... Она меня уж сколько раз просила, чтобы я с тобой поговорила насчет нее!

— Ну не знаю, мам... Я и сама неплохо справляюсь, в прислуге совсем не нуждаюсь...

— Да что ты заладила — прислуга, прислуга! Не прислуга, а помощница по хозяйству! Знаешь, как Танечка вкусно готовит? Да ты мне потом еще спасибо скажешь, я просто уверена! А про Танечкин возраст не думай, она еще вполне себе ничего, очень даже резвая. Да это

Не пей вина, Гертруда

и хорошо даже, что у нее возраст солидный... Молодуху-то хуже в дом брать, сама понимаешь!

— А чем хуже молодуха, мам?

— Чем-чем... Твой-то муженек дорогой в том сейчас возрасте, что от него всего ожидать можно... Седина в бороду, бес в ребро! Как раз в этом возрасте у мужиков башку и сносит относительно молодух, не хотят стареть, изо всех сил сопротивляются!

— Да ну, мам... Не говори ерунды. Будто ты Якова не знаешь. Ему кроме своих магазинов ничего больше не интересно в этой жизни.

— А я бы на твоём месте не была такой уверенной! Чего ты вдруг расслабилась-то?

— Да я и раньше не напрягалась особо...

— Ну и зря! То-то я смотрю, вы по разным местам живете... Ты в доме обосновалась, он — в городской квартире! Смотри, Ладка, вокруг него много всяких молодых девок вьется! И всем охота свой кусок от жизни урвать! Думаешь, никто из молодух на Яшу не обзарится, что ли? Да нынче они все хорошо жить хотят, молодухи-то. Им без разницы, сколько лет мужику, лишь бы содержал прилично. Вот о чем я тебе толкую, Ладка. А ты слушай мать, слушай... Бери в дом Танечку, не прогадаешь!

В общем, бесполезно было спорить. Да и никогда она маму переспорить не могла. Такой уж характер... Вот теперь и приходится неудоб-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ство это терпеть, будто она бессовестная барыня Салтычиха, которая нещадно эксплуатирует бедную пожилую женщину.

Вкусный запах, казалось, совсем перебрался к ней в спальню, словно требовал приличий — мол, хватит меня игнорировать, вставай быстренько, спускайся, прояви вежливость к первоисточнику! То есть к кулинарным способностям Татьяны Васильевны вежливость прояви... Старается же человек, чего ты!

И ведь не объяснишь этому первоисточнику, что это своего рода насилие. Что вовсе не нужен ей вкусный завтрак, к тому же свежее испеченный... Это ж наверняка бешеные калории! При ее-то лишних килограммах...

Ладно, придется смириться. Все равно надо вставать, надо поторапливаться. Дела зовут, заботы.

В ванной долго рассматривала лицо. Такое оно было... Будто не выспавшееся. Из-за погоды, наверное. Хмурое утро, лицо тоже хмурое. И Татьяна Васильевна это заметила, кстати...

— Доброе утро, Ладочка! Чего-то ты бледненькая сегодня такая... Плохо выглядишь... Не выспалась, да? Неважно себя чувствуешь?

— Все хорошо, Татьяна Васильевна. Нормально я себя чувствую.

— Ну-ну... А я вот тебе пирожочки с творогом испекла, такие вкусные получились! По-

Не пей вина, Гертруда

ешь, и сразу румянец появится! И чаек с травками заварила...

— Я бы кофе лучше выпила, Татьяна Васильевна.

— Что ты, Ладочка, что ты! Кофе в твоём возрасте уже вредно! Это дурная привычка — по утрам кофе литрами хлебать, от нее отвыкать надо!

— А я не хочу отвыкать, Татьяна Васильевна. Я кофе хочу.

Наверное, это как-то нехорошо у нее сейчас прозвучало. Вроде того — отстань от меня со своим чаем с травками и с советами отстань. Я тут хозяйка, я делаю все, что хочу. И раз уж пошла такая пьянка, то и про вкусные пироги с творогом надо тоже сказать... Чтобы навсегда упредить эти утренние печеные вкусоности-ползновения!

— Я обычно чем-то легким завтракаю, Татьяна Васильевна. Овсянкой на воде, например. Или салатиком. Не наедаюсь с утра.

— Да-да, Ладочка, я услышала, я поняла тебя, да... Больше не буду... Понимаю, ты фигуру свою бережешь...

— Да было бы что беречь, Татьяна Васильевна!

— Ну что ты... Зря ты так о себе! Ты еще очень даже... Для своих лет вообще прекрасно выглядишь! Тебе ведь скоро пятьдесят, да?

— Да. Очень скоро. Через две недели уже.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ой! Так это ведь надо будет большой стол накрывать! Гостей-то много будет, я думаю?

— Не знаю еще... Но накрывать стол не потребуется. Я думаю, мы в кафе отмечать будем.

— Да? Жалко... Уж я бы с угощением рассталась... Да разве в кафе могут так вкусно приготовить, Ладочка? Ведь нет?

— Могут, Татьяна Васильевна. Еще как могут.

— Ну, не знаю, не знаю... Наверное, я старыми понятиями живу. Раньше всегда юбилеи дома справляли, и ничего... Ой, да что ж я болтаю попусту, тебе ж кофе сварить надо! Я сейчас, я быстро... И салатик тоже нарежу...

— Да не надо салатик, я пирог съем. Я тороплюсь, мне давно уже пора из дому выйти. Сегодня вот только задержалась...

Быстро выпила кофе, съела пирог. Очень вкусный, кстати. О чем и сообщила Татьяне Васильевне, вставая из-за стола. И быстро пошла наверх одеваться. Быстро, быстро! Там Аня уже вся изнервничалась, наверное...

* * *

Дорога от дома была такой знакомой, что можно ехать, закрыв глаза. По крайней мере, не напрягаться лишним вниманием. И думать можно. И вспоминать... Сегодня ведь памятный день, даже положено так. И душа Алеши-

Не пей вина, Гертруда

на где-то рядом летает. Может, в машине сидит, на переднем сиденье.

От этой мысли напряглась немного, расправила плечи, улыбнулась. Пусть Алеша видит ее такой — улыбающейся. Ему ж наверняка хочется, чтобы она счастливо жила. Он же ее так любил...

И она его любила. С первого класса. Вполне ясно осознавала, что любит. Они и были неразлучны с первого класса, с тех пор как сели за одну парту. И близость у них получилась довольно ранняя, чего уж там... И планы строили на дальнейшую жизнь счастливые. Чтоб вместе, чтоб семья, чтоб много детей. А после того, как Алеша из армии вернется, чтоб непременно свадьба была. И белое платье, и машина с пупсом на капоте, и застолье широкое. И даже беременность она восприняла как вполне счастливое событие. Алеша уже два месяца далеко от нее был, а она поняла, что беременна...

И мама тоже поняла. И всплеснула руками, запричитала:

— Господи, Ладка, да что ж ты у меня глупая такая... Подождать не могла, что ли? Тебе ж восемнадцать всего! В институт не поступила, а пузо себе добыла, ума хватило! Что ж теперь делать-то будем, а?

— Да я на следующий год поступлю, мам... Подготовлюсь хорошо и поступлю!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да! Куда ты с дитем на руках поступишь? Кто ж с ним нянькаться будет, скажи? Я не могу, я работаю... А Лидка мала еще, ей только четырнадцать будет... Иль ты сразу на меня и на младшую сестру рассчитывала?

— Да ничего я не рассчитывала, мам...

— Вот то-то и оно, что не рассчитывала! А надо было все рассчитать-то! Не бежать впереди паровоза! Еще и не факт, что Алеша твой обрадуется, когда узнает!

— Он обрадуется, мам. Я знаю. По-другому просто быть не может.

— Ладка, Ладка... Ну вот что у тебя в голове творится, а? Молодая девка еще, и уж замуж невтерпеж оказалось! Так невтерпеж, что матери в подоле принесла! Ой, господи божечки, да что ж это такое, беда на мою несчастную голову... Сколько лет без мужа вас с Лидкой поднимаю, силы мои на исходе, а ты мне такой подарочек преподнесла! Хоть бы о матери подумала, бессовестная! Мать-то не семижильная, чтобы все на себе тащить! Где я сил столько возьму, из колена выколю? Ой, беда, беда...

— Мам, ну не надо! Разве можно так про ребенка говорить, что он беда? Это ж внук твой... Или внучка...

— А чем кормить внука или внучку станем, а? Ты подумала? Да тебя ведь даже на работу никто не возьмет, с пузом-то!